
Е.Г. Новикова

**«ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ» В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ПЕРИОДА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.**

В статье поставлен вопрос о проблеме «западных славян» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского 1877 г.; публицистические тексты писателя периода русско-турецкой войны рассматриваются в аспектах ориентализма и имперского сознания. В результате исследования показано, что проблематика Востока – Запада у Достоевского не самоценна, она используется для постановки принципиальных для писателя вопросов об исторической судьбе славян, христианства и православия: «восточный вопрос <...> есть и славянский вместе».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя», русско-турецкие войны, имперское сознание, ориентализм, христианство, православие.

«Кстати, скажу одно особое словцо о славянах и славянском вопросе, – пишет Ф.М. Достоевский в разделе «Дневника писателя» 1877 г. – Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать <...> по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена <...> Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что <...> от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, “имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабождении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени”» [1. Т. 26. С. 77–79].

Это широко обсуждаемое сейчас высказывание писателя чаще всего закономерно интерпретируется в контексте его известного отношения к Российской империи («Всеславянская империя»). Имперские взгляды Достоевского, их природа и специфика глубоко и убедительно проанализированы И.Л. Волгиным [2]. В частности, важнейшими материалами для исследователя явились уникальные стихотворения Достоевского «На европейские события в 1854 году», «На первое июля 1855 года», «Умолкла грозная война!.. <На коронацию и заключение мира>», связанные, так или иначе, с Крымской войной 1853–1856 гг.

Общая позиция Достоевского по поводу русско-турецких войн как 1850-х, так и 1870-х гг. состояла в том, что сама проблема Востока стабильно располагается на периферии сознания писателя.

Крымская война России против коалиции, в которую, как известно, входили Османская империя, Франция, Великобритания и Сардинское королевство, описывается Достоевским, прежде всего, как война с Европой:

Умолкла грозная война!
Конец войне ожесточенной!..
<...>
Утучнив кровию святой
В честном бою свои поля,
С Европой мир, добытый с боя,
Встречает русская земля [1. Т. 2. С. 409].

Вспомним, что в севастопольских рассказах Л.Н. Толстого, участника этих военных событий, описание обороны и падения Севастополя интерпретируется как военное противостояние русских и французов. Вероятно, в связи с этим можно говорить не только об имперском, но и о таком – в широком смысле – «колониальном» сознании великих русских писателей XIX в., для которых в антиросийской коалиции Османская империя никак не могла играть ведущую, определяющую роль.

В свою очередь, по поводу русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Достоевский выстраивает дискурс, в котором «восточный вопрос» уточняется как несравненно более значимый и актуальный для него вопрос «славянский». «Восточный вопрос по-прежнему у всех перед глазами» [1. Т. 25. С. 37] – так начинается «Февраль» «Дневника писателя» 1877 г. И при этом Достоевский сразу же поясняет, что для

него «восточный вопрос <...> есть и славянский вместе» [1. Т. 25. С. 30]. В.А. Туниманов подчеркивал, что «в “Дневнике” <...> на первом плане всегда мнения и выводы самого Достоевского, а подбор фактов – низший слой в структуре издания» [3. С. 169].

Так, рассказывая о жестокости восточных народов, писатель демонстрирует вполне обычный европейский ориентальный дискурс. Как пишет Н. Найт, «когда дело касалось отношений с “Востоком”, Россия до мозга костей становилась европейской страной» [4. С. 330]. Однако этот дискурс Достоевского, по сути, подчинен проблематике «западных славян»: «Между этими привезенными в Москву славянскими детьми есть, говорят <...> один ребенок, девочка лет восьми или девяти, которая часто падает в обморок и за которую особенно ухаживают. Падает она в обморок от воспоминания: она сама, своими глазами, видела нынешним летом, как с отца ее сдирали кожу и – содрали всю. Это воспоминание при ней неотступно и, вероятнее всего, останется навсегда, может быть, с годами в смягченном виде, хотя, впрочем, не знаю, может ли тут быть смягченный вид» [1. Т. 25. С. 41]. Описание такой жестокости имеет своей целью не только «запретить туркам сдирать кожу с отцов в глазах их детей» [Там же], но в конечном счете обозначить судьбу «девочки-болгарки» [Там же].

История этой девочки включена у Достоевского в описание благотворительной деятельности России по приему пострадавших от войны славянских детей: «В газетах упоминалось как-то, что в Москву в эту зиму привезли из славянских земель не одну партию бедных маленьких детей из разрушенных войною семейств, совершенных сирот. Их размещают по разным рукам и заведениям <...>. Говорят, недавно в Москву привезли еще “партию деток”, от трех до тринадцати лет, и которых приняла к себе Покровская община сестер милосердия. Рассказывают, что этих маленьких сербских девочек покровские сестры милосердия поместили вместе с прибывшими прежде болгарками и что за ними надзирает одна из сестер, знающая по-сербски, так что дети рады и детям весело. Детям, конечно, хорошо и тепло, но я слышал недавно от одного воротившегося из Москвы приятеля прехарактерный анекдот про этих самых малюток: сербские девочки сидят-де в одном углу, а болгарки в другом, и не хотят ни играть, ни говорить друг с дружкой, а когда спрашивают сербок, отчего они не хотят играть с болгарками, то те отвечают: “Мы им дали оружие, чтоб они шли с нами вместе на турок, а они

оружие спрятали и не пошли на турок”. Это очень, по-моему, любопытно. Если восьми-девятилетние малютки говорят таким языком, то, значит, переняли от отцов, и если такие слова отцов переходят уже к детям, то, значит, между балканскими славянами несомненная и страшная рознь. Да, вечная рознь между славянами! Они запоминают ее в своих преданиях и сохраняют в песнях» [1. Т. 25. С. 38–39].

«Да, вечная рознь между славянами!» – вот что стало важнейшей темой «Дневника писателя» периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Основой этого «славянского» дискурса «восточного вопроса» стали у Достоевского «Песни западных славян» (1834) А.С. Пушкина: «Помните ли вы у Пушкина, в “Песнях западных славян”, “Песню о битве у Зеницы Великой”? Там восставшие собрались с Радиоем в поход на турок.

А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
Набекрень надели свои шапки
И сказали: “Возьмите нас с собою”...

.....

Беглербей с своими босняками
Против нас пришел из Банялуки;
Но лишь только заржали их кони,
И на солнце их кривые сабли
Засверкали у Зеницы Великой, –
Разбежались изменники далматы!» [1. Т. 25. С. 39].

Пушкин сопровождал публикацию данных строк своего стихотворения специальной сноской, в которой подчеркивается именно «рознь между славянами»: «Потеря сражения приписывается долматам, ненавистным для влахов» [5. Т. 2. С. 418]. Рассказ о сербских и болгарских девочках, по мысли Достоевского, убедительное продолжение того, что предсказал Пушкин в своих «Песнях западных славян». Как показала В.И. Габдуллина, «пушкинский след» был уже в поэзии Достоевского периода Крымской войны 1853–1856 гг: «Обращаясь в своей первой оде “На европейские события в 1854 году” к царю, Достоевский следует примеру Пушкина, писавшему стихотворные послания императору из своей Михайловской ссылки. Причем адресат у них один и тот же – Николай I, жестоко расправившийся с декабристами и спустя без малого двадцать пять лет

подписавший приговор петрашевцам» [6. С. 31]. А тема предсказаний является здесь предельно важной.

Как известно, пушкинские «Песни западных славян» возникли на основе литературной мистификации П. Мериме «Гузла, или Избранные иллирийские стихотворения, собранные в Далмации, Боснии, Кроации и Герцоговине», посвященной западному славянству (а также из некоторых других источников). Д.Д. Благой в этот контекст включает и польского поэта Адама Мицкевича: «В бытность в России в 1827–1828 гг. Мицкевич перевел из сборника Мериме «La Guzla» стихотворение «Морлак в Венеции». Это же самое стихотворение в числе других из того же сборника перевел и Пушкин в своих «Песнях западных славян», в примечании к нему упомянув о более раннем переводе Мицкевича» [7. С. 304]. И далее известный пушкинист самым непосредственным образом связывает «Песни западных славян» и посвященное Мицкевичу стихотворение Пушкина «Он между нами жил...», также написанное в 1834 г.: «Возможно, что именно это <...> и послужило творческим толчком к написанию Пушкиным, в августе того же 1834 г., когда поэт как раз работал над циклом «Песен западных славян», знаменитого стихотворения о Мицкевиче, причина возникновения которого больше чем через год после знакомства Пушкина со стихотворным посланием Мицкевича «Русским друзьям» представлялась исследователям недостаточно ясной» [7. С. 304]. Стихотворение Пушкина о Мицкевиче организовано противопоставлением двух идей – идеи братства славянских народов и их же «вечной розни»:

Он между нами жил
Средь племени ему чужого; злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши <...> Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью объединятся.
Мы жадно слушали поэта <...> Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом – и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет [5. Т. 2. С. 388].

Если проблематику «западных славян» в аспекте славянских культур и литератур Достоевский осмысляет, опираясь на Пушкина,

то ее исторический аспект восходит, с его точки зрения, к самому становлению Московского царства и к Петру I: «Восточный вопрос (то есть и славянский вместе) <...> родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским. Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург. Петр в высшей степени понимал ее органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была как бы *русским назначением* всеми преемниками Петра. Вот почему ее нельзя оставить и нельзя ей изменить. Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства (NB. сущность Восточного вопроса) – значит, все равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место ее выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию. Это было бы даже и не революцией, а просто уничтожением, а потому и немыслимо даже, потому что нельзя же уничтожить такое целое и вновь переродить его совсем в другой организм» [1. Т. 26. С. 30].

Н. Найт в связи с российским ориентализмом пишет о «неуклюжем треугольнике» Запад – Россия – Восток [4]. С точки зрения Достоевского, возможно, это также «неуклюжий» треугольник, но потому, что для писателя в центре внимания расположена Россия. При этом апелляция к имперским ценностям осуществляется им для того, чтобы в конечном счете поставить вопрос о христианстве – «восточном христианстве». А. Халид предлагает «мифу об уникальности России покоиться с миром» [8. С. 322]; Достоевский же полагал, что уникальность России – это «восточное христианство», актуальное для всех славянских народов. Представляется, что проблематика «западных славян» в «Дневнике писателя» позволяет, в частности, поставить специальный вопрос о применимости / неприменимости концепции Э. Саида и его последователей к творчеству Достоевского.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
2. Волгин И. Колеблясь над бездной: Достоевский и императорский дом. М.: Центр гуманитарного образования, 1998.
3. Туниманов В.А. Публицистика Достоевского: «Дневник писателя» // Достоевский – художник и мыслитель. М., 1972. С. 165–209.

4. Найт Н. О русском ориентализме: Ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет: антология. М., 2005. С. 324–344.
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962.
6. Габдуллина В.И. Достоевский: послания из ссылки в стихах и прозе // Достоевский и мировая культура. Альм. № 26. СПб., 2000. С. 26–34.
7. Благий Д.Д. Мицкевич и Пушкин // Изв. АН СССР. Отд.-ние лит. и яз.. 1956. Т. 15, вып. 4. С. 297–314.
8. Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет: антология. М., 2005. С. 311–323.

“WESTERN SLAVS” IN A WRITER’S DIARY BY F.M. DOSTOEVSKY IN THE TIME OF THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1877–1878

Novikova Elena G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

Imagology and Comparative Studies, 2016, 1(5), pp.44–51. DOI: 10.17223/24099554/5/3

Keywords: F.M. Dostoevsky, *A Writer’s Diary*, Russo-Turkish War, Imperial consciousness, Orientalism, Christianity, Orthodoxy.

The article raises the question of “Western Slavs” in “A Writer’s Diary” (1877) by F.M. Dostoevsky. The Russo-Turkish war of 1877–1878 is perceived by the writer primarily as a war against Europe, and the “Eastern Question” is defined as a much more meaningful and relevant “Slavic Question”. The author analyses a number of episodes from “A Writer’s diary” where F.M. Dostoevsky emphasises the internal strife between the Slavs, citing “The Songs of the Western Slavs” by A.S. Pushkin. The author of the article draws attention to Pushkin’s poem “He lived among us . . .”, dedicated to A. Mickiewicz and explains the connection of the theme discussed with F.M. Dostoevsky’s historiosophical concept of Russia’s unifying role in the Eastern Christian world. She also raises of whether it is possible to apply the postcolonial methodologies to the study of the writer’s work.

References

1. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters. In 30 vols]. Leningrad: Nauka.
2. Volgin, I. (1998) *Koleblyas’ nad bezdnoy. Dostoevskiy i imperatorskiy dom* [Straddling over the abyss. Dostoevsky and the Imperial House]. Moscow: Humanitarian Education Center.
3. Tunimanov, V.A. (1972) Publitsistika Dostoevskogo: “Dnevnik pisatelya” [Dostoevsky’s journalism: A Writer’s Diary]. In: Lomunov, K.N. (ed.) *Dostoevskiy – khudozhnik i myslitel’* [Dostoevsky – the artist and thinker]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 165–209.
4. Knight, N. (2005) O russkom orientalizme: Otvet Adibu Khalidu [On Russian Orientalism: The answer to Adeeb Khalid]. Translated from English. In: Leontyeva, O. & Dolbilov, M. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [The Russian Empire in foreign historiography. Recent work: An Anthology]. Moscow: Novoe izdatel’stvo. pp. 324–344.

-
5. Pushkin, A.S. (1959–1962) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works. In 10 vols]. Moscow: GIKhL.
  6. Gabdullina, V.I. (2000) Dostoevskiy: poslaniya iz ssylki v stikhakh i proze [Dostoevsky: messages from exile in verse and prose]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*. 26. St. Petersburg: Serebryanyy vek. pp. 26–34.
  7. Blagoy, D.D. (1956) Mitskevich i Pushkin [Mickiewicz and Pushkin]. *Izvestiya AN SSSR*. 15(4). pp. 297–314.
  8. Khalid, A. (2005) Rossiyskaya istoriya i spor ob orientalizme [Russian history and debate about Orientalism]. In: Leontyeva, O. & Dolbilov, M. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [The Russian Empire in foreign historiography. Recent work: An Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 311–323.